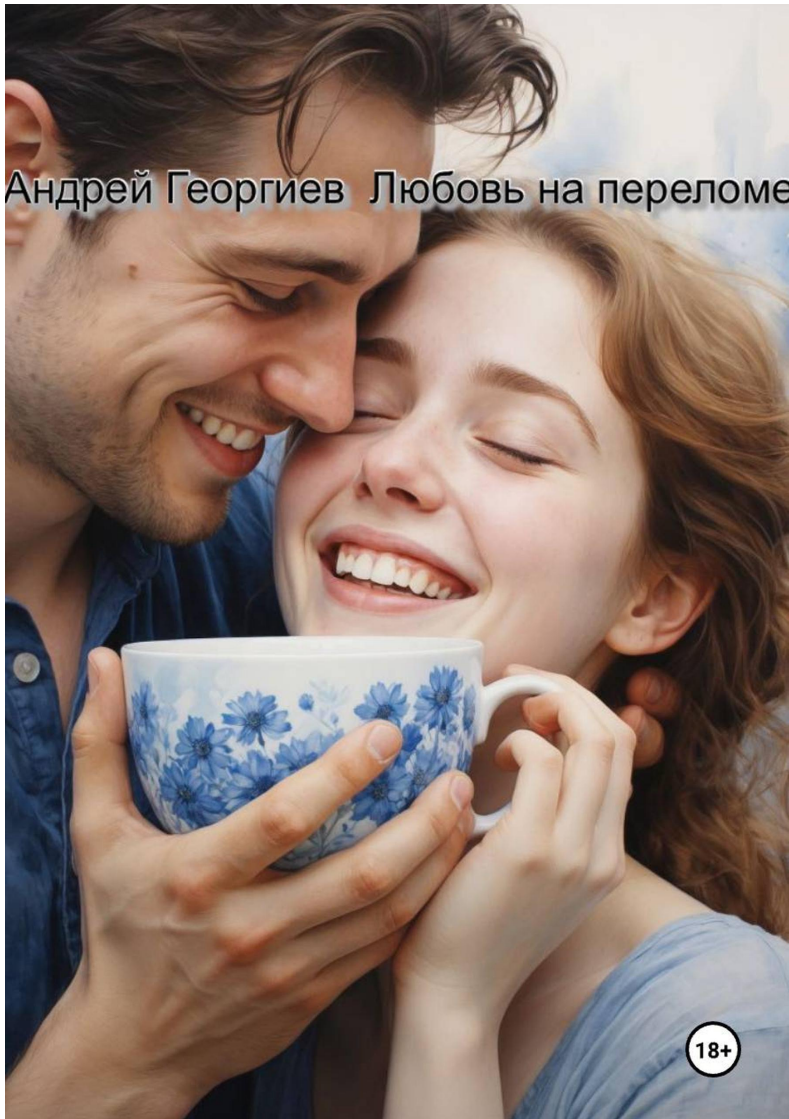

Андрей Георгиев Любовь на переломе

18+

Андрей Георгиев

Любовь на переломе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73182593

SelfPub; 2026

Аннотация

Он разорван между долгом и страстью. Между двумя женщинами. Между реальностью и сном.

Антон, доцент, которому открыта тайна мироустройства, совершил роковую ошибку. Повинуясь страсти, он выбрал сценарий, что сжигает его изнутри.

Итог – побег через окно, сломанная нога, унижение и тишина больничной палаты. Здесь, наедине с собой и своей путеводной «звездой», ему предстоит пережить главную драму – суд над собственными желаниями.

Это история о выборе, цене страсти и о том, кто на самом деле держит перо, пишущее нашу жизнь.

Андрей Георгиев

Любовь на переломе

Глава 1

Зазвенел телефон. Не звонок, а оглушительная сирена, разорвавшая безмятежный гул супермаркета. Женя вздрогнула, сердце ёкнув, предвосхищало беду еще до того, как пальцы сжали холодный пластик трубки.

– Женя! Где ты ходишь?! – не крик, а вопль, искаженный чистым ужасом, впился ей в ухо. Голос соседки с третьего этажа – бабы Тани, был срывным, хриплым, словно она уже час кричала. – Антон твой... Антон! Выкинулся из окна! Ужас-то какой! Он... он в огороде! Дрыгается! Кричит так, что кровь стынет! Я «скорую» вызвала! Лети домой, родная, лети!

Мир перевернулся. Белые стены «Ленты», мерцающие светодиодные лампы, бездушный голос из динамиков – всё это поплыло, расплзлось, превратилось в бессмысленный калейдоскоп. Женя стояла у входа, только что взяв тележку со скрипящим колесом. Она собиралась ехать к матери и хотела закупить продукты, чтобы не с пустыми руками. Тележка с грохотом рухнула на бок, перегородив проход. Она не побежала – она ринулась сквозь автоматические двери, кото-

рые, казалось, открывались с дьявольской медлительностью.

Её «Mandjaro» ждал на парковке, припорошенный пылью. Ключи выскользнули из дрожащих пальцев, упали под ноги со звенящим, издевательским звуком. Вцепившись в руль так, что кисти побелели, она рванула с места, оставив на асфальте черные следы паленой резины и запах страха.

Она знала. Она знала почему. Она сама заперла квартиру на ключ, отчаянно пытаясь удержать его внутри, зная, что на него действует сильнейший, непобедимый магнит, тянущий прочь из дома. Не магнит – молодая, наглая стерва. Та самая студентка с томными глазами и лживыми губами. Это она за пару месяцев превратила её Антона, солидного доцента, заботливого отца, в одержимое, помутневшее существо. В лосося, ослепленного инстинктом, чье тело переполнено ядом не любви, а безумия, который гнал его, ломая все преграды, к смертельному «нересту». Он метался по квартире, как зверь в клетке, а окно стало для него не стеклом, а лишь очередным препятствием, которое нужно преодолеть.

Пять минут пути превратились в вечность, наполненную воем мотора и грохотом собственного сердца в ушах. Она мчалась, нарушая все правила, мир за стеклом мелькал сюрреалистичным пятном.

«Скорой» не было. Во дворе стояла толпа соседей и прохожих, бессмысленно суесящихся, не знающих, как помочь. Женя выскочила из машины, не закрыв дверь, и бросилась через грядки к тому месту, где темнело неестественное пят-

но.

Он лежал на спине, на помятых грядках с цветами. Поза была жуткой, неестественной. Он не кричал теперь. Он хрипел, захлебываясь собственным дыханием, руками впиваясь в правую ногу. Лицо было серым, землистым, рот открыт в беззвучном стоне, из которого вырывался лишь свист. По щекам, смешиваясь с грязью, текли молчаливые, бесконечные слезы бессилия перед всепоглощающей болью.

И эта нога. Боже правый, эта нога! Правая нога ниже колена была вывернута под чудовищным, невозможным углом в сорок пять градусов. Кость не просто сломалась – она, казалось, пыталась вырваться наружу, искажая контур тела уродливой, пугающей шишкой. Брюки были порваны, и в разрыве виднелась сине-багровая, уже распухающая плоть.

Женя подбежала и рухнула на колени в холодную землю. Запах взрыхленной почвы, роз и... чего-то медного, резкого – запах страха и шока. Она протянула руку, боясь прикоснуться.

– Антоша... Антошенька... Держись, родной! – её собственный голос прозвучал чужим, тонким, детским. – Больно?... Я знаю, что больно. Сейчас помощь придет. Сейчас...

Её слова оборвались. Он повернул к ней голову. В его глазах, помутневших от боли, не было ни узнавания, ни надежды. Там пылала только чистая, первобытная ненависть. Он собрал последние силы, и из пересохших, окровавленных губ вырвался хрип, больше похожий на шипение змеи:

– Всё... из-за тебя... Радуйся!

Его глаза закатились, тело обмякло, голова бессильно упала на бок, в грязь. Тишина, которая навалилась вслед за этим, была громче любого крика. И только далекая сирена, наконец-то послышавшаяся вдали, обещала, что этот кошмар может закончиться.

Глава 2

С визгом шин у обочины замерла машина скорой помощи. Дверца распахнулась, и на асфальт, грохнув металлическими носилками, выпрыгнули два санитар. Их движения были резкими, отработанными до автоматизма. Не тратя ни секунды на разговоры, они, с лязгом раздвинув тележку, почти грубо погрузили на нее тело и молниеносно вкатили в салон. С воем сирены автомобиль рванул на большую дорогу, растворяясь в потоке машин.

Путь до больницы слился в один сплошной, оглушающий кошмар. Но уже через десять минут – десять вечностей тряски и боли – его катили по длинным, безликим коридорам, залитым мертвенным светом люминесцентных ламп. В процедурной, пропахшей антисептиком и страхом, царила ледяная, методичная суета. Сделали рентген и хирург, не глядя в глаза, быстрыми, уверенными движениями начал накладывать гипс. Холодная, вязкая масса на бедре постепенно затвердевала, сковывая, превращая ногу в тяжелый, чужой муляж.

А потом был новый виток этой сюрреалистичной реаль-

ности – палата. Не просто палата, а настоящие апартаменты, резким, почти неприличным контрастом выделяющиеся на фоне больничной убогости. Отдельная и шикарная. Здесь, должно быть, постаралась жена. На стене, словно окно в иной мир, сиял огромный плазменный экран. Стены были выкрашены в успокаивающий, но чуждый больнице цвет сочной зелени. У окна – белоснежные, идеально ровные жалюзи, через которые струился приглушенный солнечный свет. И в центре – огромная, сложного устройства кровать, похожая на командный пункт звездолета, с десятками кнопок и подвижных частей.

В эту искусственную, купленную роскошь мягко вплелась медицинская рутина: пара обжигающих уколов в мышцу, щелчок включившейся капельницы. Он, сквозь туман боли, с четкостью понял: вот сейчас – обезболивающее, а вот это – снотворное. Эффект наступил почти мгновенно. Сперва поплыли, закручиваясь воронкой, изумрудно-зеленые стены. Затем расплылись контуры безупречных жалюзи, а огромный телевизор превратился в светящееся белое пятно. Последним сдалось сознание, без сопротивления погружаясь в мягкую, ватную, беспросветную пустоту. Он провалился в сон, убаюканный химическим дурманом и тишиной отдельной палаты.

Антон знал, что у каждого человека есть своя звезда. Но лишь единицам выпало счастье или беда общаться с ней. Не аллегория, но живая, дышащая пульсарами сущность, при-

вязанная к душе незримой нитью судьбы. Была такая и у него. Она являлась ему во снах, таких реалистичных, что трудно было отличить от правды. Но она существовала и жила собственной жизнью не только в его снах. Он был уверен в этом.

Она являлась ему не светящейся точкой в ночи, а женщиной. Не просто женщиной, а воплощением космоса в человеческом облики. Невыносимо, космически прекрасной. Ее красота была не из тех, что подчиняются законам земной симметрии; это была красота катаклизма, рождения туманности, тихого коллапса целых миров. Фигура, которую не мог вообразить ни один скульптор и которая и не снилась ни одной смертной супермодели, – это был идеал, выраженный не в плоти, а в самой идеи формы, в гармонии энергий. Ее волосы струились, как хвост кометы, оставляя за собой след из серебристой космической пыли и забытых надежд. А глаза... Глубокие, как черные дыры, поглощающие свет и время. Но в этой бездне не было пустоты – в них отражались целые галактики чувств: мириады оттенков, полутонов, нюансов, сменяющих друг друга с таким артистизмом и подлинностью, перед которыми меркли величайшие актрисы всех эпох. Наблюдать за метаморфозами ее лица – смех, переходящий в иронию, высокомерие, тающее в милосердии, праведный гнев, растворяющийся в сострадании – было зрелищем завораживающим и потрясающим до самой глубины души. Это сводило с ума невыносимым совершенством, балан-

сирующим на грани божественного и кошмарного.

Она была Архитектором его пути. Куратором, Воспитателем, Сценаристом и Режиссером в одном лице. Ее драматургия подчинялась не земной логике, а высшим, кармическим законам переплетения добра и зла, греха и искупления, аскетизма и страсти. Она творила во всех жанрах сразу: лирическая мелодрама вмиг оборачивалась фарсом, бытовая комедия – пронзительной трагедией, а психологическая драма – кровавым триллером. Все жанры были ее родной стихией. Но она питала отвращение к скуке, не терпела графомании и любая фальшь вызывала в ее глазах холодное, вселенское равнодушие.

Она никогда не писала одну судьбу. Перед ней всегда лежало множество сценариев, словно ветвящееся древо вероятностей. И то, по какой ветви пойдет жизнь Антона, зависело только от его выбора. Свободная воля была тем нерушимым и категорическим законом, который она блюла превыше всего. Ее главной, сокровенной задачей была не устроить жизнь, но выковать душу. Заставить ее гореть, падать, разбиваться, каяться и вновь подниматься к свету. Зачем? Этот вопрос был сокрыт даже от нее самой. Это была ее карма, ее долг и ее путь – бесконечная работа, которую она, совершенная сущность, отрабатывала наравне со всем сущим во Вселенной, от мельчайшей букашки до вращающихся галактик.

В ее мире – мире идеальных форм и чистых смыслов – не действовали земные законы. Там царила иная гравитация,

влекшая души к их истинному центру; время текло не линейно, а спиралями, нанизывая прошлое, настоящее и будущее на единую ось вечного «сейчас». Она была единой Личностью и в то же время вмещала в себя миллионы ипостасей, ведя по жизни Антона и одновременно – сонмы других людей, уделяя каждому столько внимания, как если бы он оставался во Вселенной один-единственный, самый важный ее проект.

И в тишине своего сердца, чувствуя на себе ее незримый, испепеляюще-прекрасный взгляд, Антон шептал имя, имя-ключ, имя-молитву и имя-признание: Стелла.

Ее перо, отточенное из солнечного луча, выводило главы его существования. Она наслаждалась процессом, как гурман изысканным блюдом, придумывая для своего героя то головокружительные взлеты, то сокрушительные падения.

Антон тревожно спал, накачанный лекарствами

– Стелла, ты здесь? – хрипло выдохнул Антон во сне, даже там прижав ладонь к пылающей адской боли голове. Его губы, запекшиеся от боли и жажды, с трудом шевелились. Сломанная нога висела на штифтах под немыслимым углом, как предательский знак вопроса в конце его глупой жизни.

Тишину разрезал голос, звучавший прямо из головы – медленный, бархатный, с фатальной сладостью.

– Я всегда с тобой, дорогой. Круглосуточно и без выходных. Я – твоя путеводная звезда. Неужели забыл? – В интонациях Стеллы сквозила удушающая, почти материнская за-

бота.

– Раньше ты не была такой... жестокой! – в голосе Антона плескалась настоящая, детская обида. – А теперь перешла к откровенному членовредительству! Поздравляю! Взяла и отхреначила мне ногу, как ребёнок кукле в припадке скуки!

– Я?! О-о-о-о! – Её смех прозвучал низко и сочно, точно виолончельный пассаж в пустом зале. – Мой милый, ты сам, как герой дешёвого боевика, решил спрыгнуть со второго этажа на этот жалкий козырек. Я лишь создаю декорации, а дурацкие трюки ты выполняешь сам. Кто, скажи на милость, в туфлях без шипов ведёт себя, как альпинист. А во-вторых... не было бы счастья, да несчастье помогло. Не заведи ты эту трепетную студентку – верная супруга не додумалась бы запереть тебя. Я всего лишь скромный драматург, предлагающий варианты сюжета. Был, между прочим, и идеальный сценарий: «Верный муж, любящий отец, блестящий учёный». Но нет же! Ты выбрал мелодраму «Симпатичный доцент и пылкая студентка»! Врезался, как последний романтик!

– Конечно врезался! – вырвалось у Антона с инфантильной обидой. – Это ты заставила её смотреть на меня этими васьковскими глазами, полными немого обожания! На каждой лекции!

– О, да! – воскликнула Стелла с игривым ужасом. – Это моя работа! Создавать искушения, рисовать соблазнительные возможности. Но я никого не тащу в постель насиль-

но, дорогой. Это исключительно твоё «неуёмное либидо», как пишут в бульварных романах. Педагог, попирающий собственные принципы! Моральный обвал! Падение во грех! А виновата, как водится, звёздочка-искусительница. Удобно, не правда ли?

Антон затих. Давление в висках пульсировало в такт нестерпимой боли в ноге. Крыть было абсолютно нечем. Он, даже во сне, лишь слабо постучал кулаком себя по виску, признавая своё сокрушительное поражение в этой абсурдной игре, актером которой был он сам, а главным зрителем – его собственная жестокая совесть.

Глава 3

Он лежал в стерильной палате, прикованный к сложной конструкции больничной кровати, больше похожей на орудие для пыток из средневекового замка. Его сломанная правая нога, закованная в гипс, нелепо и безжизненно висела в воздухе, закреплённая на металлическом штыре громоздким контрапунктом из ремней и шкивов. Стены палаты источали уныние своим казенным, ядовито-зеленым цветом. Та же едкая, зеленая тоска разъедала душу.

Боже! Какое эпическое, гротескное позорище! Антон Васильевич Шаваров, уважаемый преподаватель, кандидат наук, автор многих научных трудов, примерный отец семейства, выбирался из собственного дома не через дверь, а через окно второго этажа и рухнул вниз, словно неопытный домушник, застигнутый на месте преступления. Сквозь пелену

адской боли всплывали лица соседей – вид снизу вверх, из грядки с цветами. Их глаза, полные испуга и формального сочувствия, светились при этом диким, неудержимым любопытством и гаденьким, понимающим блеском. Мысль была написана на них крупными буквами: «Что заставило взрослого, солидного мужчину бежать через окно?» Ответ напрашивался сам: конечно, побег от домашней тирании. А куда бежит нормальный мужик от жены? Явно пахнет романтикой, тайной любовницей, адюльтером под покровом ночи.

Вчера Антон зашёл домой. Ему нужно было забрать паспорт: завтра он был жизненно необходим. И ещё – сказать жене, что уходит. Просто бросить на ходу: «Ухожу. Все разговоры – потом».

Его ждала она – его невероятно, невыносимо любимая девочка. Та, ради которой он жил последние месяцы, та, что заполняла каждую мысль, каждый вздох. Ей было больно – невыносимо больно – от этой лжи, от любви тайком, от существования в подполье: на съёмной квартире, в почасовых гостиницах, в коротких встречах между дежурствами и лекциями. Она устала. Устала прятаться, устала бояться каждого звонка, каждого случайного взгляда. Она хотела уйти – прочь от этой изматывающей полуправды.

А для него жизнь без неё уже не имела смысла. Ни семья, ни карьера, ни репутация – ничего не стоило того, чтобы продолжать эту двойную игру. И он решил: уходит. Решение было непродуманным, сиюминутным, но в тот момент оно

казалось единственно верным.

«Но это правильно! – мысленно твердил он, сжимая в кармане паспорт. – Первый порыв всегда правильный. Надо быть чертовски сильным человеком, чтобы сжечь мосты, перейти Рубикон. А там – будь что будет!»

Жена появилась неожиданно – он не слышал её шагов, не видел, как она вошла. Разговор не получился. Сначала она просто не поверила своим ушам. После стольких лет счастливого, гармоничного брака его слова звучали как бред, как дурная шутка. Она даже рассмеялась – коротко, нервно, будто пытаясь разрядить нелепую ситуацию.

Но потом, взглядевшись в его лицо, поняла: нет, это не шутка.

– Ты сошёл с ума, Шаваров! – её голос дрогнул, но тут же обрёл твёрдость. – Кандидат наук, почти доктор, отец семейства, взрослый мужчина – а ведёшь себя, как подросток! Стыдись! Подумай о детях, о родителях, о коллегах, обо мне, в конце концов! Ты же обещал, что с ней все кончено! Что с тобой происходит? Ты же раньше всегда держал слово!

– Нет, всё только начинается! – выкрикнул он, чувствуя, как внутри всё горит. – Потом обсудим всё, а сейчас меня ждут!

Женя всегда действовала стремительно. Не раздумывая, она схватила его ключи, лежавшие на столе, резко повернулась – так резко, что подол платья взметнулся, закрутился вихрем, – и бросилась в коридор. Он не успел опомниться,

как услышал гулкий стук захлопнувшейся двери.

Он рванулся к двери, толкнул её – и чуть не закричал от ярости, услышав щелчок поворачивающегося ключа с той стороны. Она закрыла дверь. Оставила его без ключей. Он – узник в собственном доме.

Не теряя ни секунды, он бросился к окну на кухне. Распахнул створки, выглянул – и увидел её. Она стояла на улице, посреди буйного цветения деревьев, под ярким солнцем, такая лёгкая и высокая, что на мгновение ему показалось: она вот-вот взлетит.

– Женья! Ты что творишь? Открой немедленно! Это подло! Ты не имеешь права! – его голос сорвался на крик.

Она подняла на него глаза – и в них была такая боль, такое безмерное сострадание, что он почувствовал себя маленьким мальчиком, совершившим непоправимую глупость. Она смотрела на него, как любящая, несчастная мать на слабоумного сына.

– Антоша, успокойся, – её голос звучал мягко, почти нежно. – Ты экстравагантен, милый. Остынь. Посиди, подумай. Там в духовке седло барашка, поешь. Купила твоё любимое бордо, оно в баре. Успокойся. Завтра утром приеду, и мы поговорим.

Она повернулась и пошла к парковке – плавно, уверенно, словно каждый её шаг был продуман заранее.

Казалось, сердце Антона вот-вот разорвется на части, раздавленное чудовищным прессом ярости. Оно колотилось

где-то в горле, горячим и тяжелым комом. Он метался по гостиной, точно раненый тигр в тесной клетке, его шаги были резкими, порывистыми. Кулаки непроизвольно сжимались до хруста в костяшках, а в ушах стоял глухой, пульсирующий гул.

Наконец, силы на мгновение оставили его, и он рухнул в глубокое кресло, будто подкошенный. Он вынул телефон. Позвонить? Скороговоркой выложить, что сегодня не придет? Сослаться на «обстоятельства» – этот трусливый, казенный термин? Он видел это мысленным взором: ее натянутое, как струна, лицо, взгляд, от которого хочется отвернуться. Она и так на взводе, одна неверная нотка – и взрыв. Она обязательно поймет все неправильно. Решит, что его недавний порыв, его искренность – всего лишь минутная вспышка, а теперь он, как всегда, юлит и ищет лазейки. Нет. Звонить сейчас – все равно что подливать масла в бушующее пламя.

Антон откинул голову на спинку кресла, закрыл глаза и попытался заглушить внутренний шторм. Он сидел неподвижно, вслушиваясь в бешеную дробь своего сердца, в котором klokотала ярость от вероломного, откровенно подлого поступка жены. Он ловил каждое дыхание, выравнивал его, силой воли заставляя хаотичные мысли утихомириться и разложиться по полочкам. Минуты тянулись, как густая смола. Прошло, должно быть, минут десять – целая вечность в тишине. И постепенно, очень медленно, бешенная скачка

пульса начала стихать, уступая место леденящей, тяжелой усталости. Дыхание стало глубже, ровнее. Тело, наконец, послушалось его. Буря отступила, оставив после себя опустошенный, но уже спокойный берег.

Надо было выбирать – любой ценой.

Он подошёл к окну, посмотрел вниз: газон с цветами и травой манил своей мягкостью, но второй этаж – это не шутка. Прыгнуть? Нет, ноги переломаешь – это точно.

Он повернул голову налево – и вдруг замер. Эврика! Бетонный козырёк над подъездом – всего в метре сбоку от окна. Сверху – не больше полутора метров. Один толчок – и он на козырьке. А слезть с него по берёзе, растущей рядом, – дело техники.

Дрожащими руками он засунул паспорт во внутренний карман пиджака, взобрался на подоконник. Расстояние казалось небольшим, почти преодолимым. Он оттолкнулся ногой, целясь в козырёк, – но его подвёл летний туфель с гладкой подошвой. Нога скользнула по подоконнику, он не удержался, и в следующее мгновение уже летел вниз, совершив нелепое сальто в воздухе.

Удар.

Он рухнул на асфальт всего в двадцати сантиметрах от газона – прямо на правую ногу. Боль была такой чудовищной, что на мгновение мир почернел. Казалось, по ноге ударили кувалдой – раз, другой, третий. Он потерял сознание на несколько минут, а когда очнулся, перед глазами всё ещё

плыли разноцветные круги, а в ушах стоял пронзительный звон...

Сын. Боже всемогущий! Как воспримет этот унижительный афронт его гордый, ранимый, пятнадцатилетний сын? Школа – в ста метрах от дома. Жестокий муравейник подростковой иерархии уже к утру будет гудеть слухами. Они, эти зумеры с ледяными сердцами, будут ржать над «престарелым Казановой», «спотыкающимся Дон Жуаном», придумают ему обидную кличку на своем птичьем сленге. А Сергей – мальчик жесткий, с кулаками и принципами. Обид не прощает. Страшная мысль пронзила Антона: как бы он, защищая призрачную честь отца-идиота, кого-нибудь не покалечил.

А жена... Женя. Женечка. Женёк. Подруга, прошедшая с ним путь от школьной скамьи. Как она вынесет этот публичный скандал? Как перенесет соболезнающие улыбочки подруг, их сочувствие, приправленное едва уловимым, сладким шипением злорадства? С подругами она справится, она сильная. Но сестра... Сестренка Виолетта. Лета. Вся их жизнь, с самого детства, была титаническим, изматывающим соперничеством. Антон сравнивал это с вечным футбольным матчем – без перерывов на тайм-аут, без финального свистка, где каждая деталь быта становилась голом или штангой.

Виолетта год назад вырвалась вперед с разгромным счетом: ее муж дослужился до генерала. Она – генеральша,

grande dame, хозяйка поместья за городом. Кремлевские приемы, медийные друзья, VIP-курорты с белоснежным песочком. Но ее генерал – солдафон, грубиян и бабник. Он регулярно забивал голы в ее ворота скандалами и унижениями, а Лета ему – хладнокровно и болезненно – мстила. Их брак был полем боя, где затишье лишь предвещало новую бурю.

«Мы с Петей на Бали скучали, – вздыхала Лета, блестя новым бриллиантом на пальце. – Вся эта красота, этот комфорт... Тоска! Хочется дикости, приключений на разжиревшую от безделья задницу!».

«А мы с Антошей в Сосново отдыхали! – парировала Женя, и в ее глазах зажигались теплые искорки. – Боже, какой там воздух! Сосновый, густой! Мы с Тошей каждый день на озеро ходили. Я на его спине, как русалка, плавала!».

После особенно жутких ссор Лета приходила к ним, с сияниями в душе и иногда – под глазами, с горящим взглядом мстительницы. И Женя, укутывая ее в плед, с тихой победой говорила: «А мой Антоша на меня руку никогда не поднимал. Он джентльмен. Легкий, светский человек». Она уверенно вела в счете в этом бесконечном матче.

А теперь... Господи, а теперь!

В воспалённом воображении Антона возникла картина: гигантский, заполненный до отказа стадион. Разноцветные флаги, гул трибун, рев толпы, клубы дыма от фальшфейеров. Финальный матч сезона. Последние секунды. Ничья! И вот он, капитан команды, Антон Шаваров, в ослепительных

лучах прожекторов, совершает немыслимое, невозможное – мощным, изящным ударом забивает гол... в собственные ворота! Гробовая тишина на секунду, вздох мировой несправедливости, а затем – сокрушительная лавина свиста, космического негодования, гула абсолютной ненависти. Гол! В свои ворота! Позор на века! На огромном мониторе стадиона лицо жены, как у обиженного ребёнка, со слезой, стекающей по щеке. Занавес.

Глава 4

Дверь с мягким стуком отворилась, впуская в стерильную больничную тишину жену с дочерью. Обе, как две странные снежные птицы в этом царстве зеленых стен, – в длинных, чуть помятых белых халатах поверх уличной одежды. В руках у жены, безвольно оттягивая ее тонкую кисть, болталась тяжелая, внушительная сумка-холодильник. Лицо у нее было будничное, спокойное, точно разглаженное утюгом, – будто и впрямь ничего из ряда вон не произошло, будто она просто зашла с прогулки.

– Привет, Антоша? – защебетала она скороговоркой, слова выпорхнули из ее губ и запрыгали, как воробьи с ветки на ветку. – Как ты? Очень больно? Как спал? Надеюсь, ничего не ел? Я тебе принесла еды на сутки. Здесь твои любимые котлетки, рис, салатик, фрукты, бездрожжевой хлеб. Ни в коем случае не ешь больничное. Не забывай о своем желчном.

Антон не ответил на приветствие. Лишь хмуро, едва за-

метно кивнул, вперившись взглядом в потолок. Он знал эту сладковато-липкую манеру жены – виноватая, суетливая забота, всегда следующая за вспышкой слепой агрессии. Этот ритуал примирения был ему до тошноты знаком.

Женя была по натуре добрая, доверчивая, кристально порядочная женщина. Но в ней дремала гроза. Она вспыхивала, как спичка, едва почуяв несправедливость, ложь или попытку ее унижить. И тогда на несколько мгновений эта хрупкая женщина превращалась в яростного и беспощадного тасманийского дьявола, готового разорвать обидчика в клочья. Ее небольшой кулачок, сжимаясь от злости, становился твердым и болезненным булыжником. Но ярость ее была краткой, как летняя гроза над полем – шумная, ослепительная и быстротечная. Стихала она так же внезапно, на смену приходила тяжелая, удушающая туча раскаяния. Она чувствовала себя виноватой всегда, даже когда была тысячу раз права, и тут же начинала судорожно искать пути к примирению.

Он был уверен, что сейчас она считает себя виноватой за то, что буквально заперла его дома, как матерого преступника, без суда и следствия. Чувствовала, что переборщила.

А вот и Дочка! Его первоклассница, его принцесса. Она застыла у порога в этом нелепо большом халате, накинутом поверх синего, отглаженного платица с кружевным воротничком. Материнские бездонные голубые глаза и его собственные, угольные, непослушные волосы. Она не бросилась

к нему с криком «Папа!» и привычными обнимашками, а стояла, прислонившись к косяку, и всем своим маленьким, чутким сердечком ощущала: неладно что-то в Датском королевстве. Ее папа, этот гигантский, надежный король с пышными, как у моржа, усами, явно натворил что-то ужасное, раз низвергнут с трона и заточен на этой узкой, скрипучей койке.

– Леночка, иди обними папу, – мягко подтолкнула ее жена. – Он будет хорошим.

Девочка будто сорвалась с пружины – бросилась к кровати и впиалась в него, маленький теплый комочек, пахнущий молоком, шоколадной печенькой и детством. Антон прижал ее к себе, ощутил под щекой шелк ее волос, и сердце, сжатое в ледяной тисках, на мгновение дрогнуло и застучало веселее, по-прежнему.

– Папа будет очень хорошим, милым и добродетельным дней тридцать, это гарантия! – начала заводиться Женья, и в ее голосе вновь зазвенел знакомый металл. Вспомнилась вся накипевшая боль. – Трудно что-нибудь выкинуть, лежа без движения, на больничной койке!

– Он на работу не сможет ходить, да? – спросила дочка, уткнувшись носом в отцовскую рубашку и придя к гениальному выводу самостоятельно.

– Да, и на вторую работу – тоже, – сухо отрезала мать.

– А что у папы две работы? – глаза Лены округлились от изумления.

– Да, Леночка! Папа не щадит себя, – голос Жени дрогнул. – Иди, погуляй в коридоре, там на столике журналы с картинками. Нам с папой нужно поговорить.

Девочка послушно скользнула с кровати и вышла, шурша огромными полами халата. Дверь прикрылась с тихим щелчком.

– Женя, – его голос прозвучал приглушенно, словно доносился из-под толщи воды. Он откинулся на подушки, веки тяжело сомкнулись, но под ними все еще метались тени вчерашней сцены. В висках забился тупой, неумолимый молоток. – Что это... что это вообще было вчера? – фраза вышла не вопросом, а стоном. Он с усилием приоткрыл глаза, и его взгляд, затуманенный лекарствами и усталостью, упал на нее. – Что за детский сад? Неужели ты всерьез думаешь, что можно что-то остановить такими... жестами отчаяния?

– Подлец, ты Шаваров!

Слово вырвалось у нее не криком, а ледяным шепотом, который обжег тишину палаты сильнее любого вопля. Она называла его «Шаваров» только так – отчеканивая каждый слог, превращая фамилию в обвинительный приговор, когда считала его виноватым. Слово повисло между ними, острое и неотвратимое, как лезвие.

– Ты подлец, Шаваров, – повторила она, и ее голос, обычно такой ровный и уверенный, дал трещину. – У твоих де-

тей... – она сделала спазматический глоток воздуха, – ...безответственный, развратный отец!

Слезы, предательски выступившие, она смахивала тыльной стороной ладони с яростной, почти неистовой резкостью, будто сражалась не с горем, а с роем ядовитых насекомых. Ее взгляд упал на зеленую стену, на бесстрастный монитор, и она горько, с обреченностью, качнула головой.

– О, Боже... Я уже где-то читала эту фразу.

Он стиснул зубы, чувствуя, как адреналин пробивается сквозь лекарственную завесу.

– Может быть, и развратный, – его голос стал низким, хриплым, – но не безответственный. Не играй в эти игры, Женя. Ты знаешь. Ты лучше всех знаешь, что дети для меня – это все. Они ни в чем не нуждались. Никогда. Им будет хватать всего. Всегда.

– Им, прежде всего, не хватает отца! – она выпрямилась, и ее фигура, такая хрупкая на фоне больничной громады, вдруг обрела нестигаемую силу. – Им нужен пример. А не... тень, мечущаяся между двумя домами.

Она медленно, с показным, почти ритуальным спокойствием, провела обеими ладонями от висков к затылку, поправляя безупречно гладкие, русые волосы, собранные в ту-

гой пучок. И в этом движении было что-то от прощания. Будто она не просто поправляла прическу, а затягивала последний узел. Злость в ее глазах погасла, испарилась, оставив после себя холодную, бездонную пустыню разочарования.

– Эх, Шаваров... – ее выдох был подобен струйке дыма от сгоревшего костра. – А я... я ведь всегда так гордилась тобой. Лета... будет на седьмом небе, узнав о твоём... «перерождении». – Она изобразила в воздухе саркастические кавычки, и этот жест был унижительнее любой тирады. – Я в шоке. Это ты? Тот самый человек, который мог собирать пазлы с детьми до полуночи? Променять это... на сиюминутное либидо? На юбку?

Он резко дернулся, губы уже раскрылись для нового взрыва, для оправданий, которые кипели в нем кислотой.

Но она опередила. Ее рука резко взметнулась – не прося, а повелевая остановиться. И на ее губах появилась та самая улыбка. Та, что когда-то сводила его с ума своей загадочностью, а сейчас резала, как стекло. Строгая и ироничная. Улыбка женщины, которая знает конец спектакля, пока ты еще смотришь начало.

– Успокойся, Антоша, – голос ее стал мягким, почти материнским, и от этого стало только страшнее. – Ух, как у тебя загорелись глаза! Весь твой холерический нрав, который ты

десятилетиями в себе душил, будто в смирительной рубашке... Он никуда не делся. Ты думал, ты его победил? Не вышло. Природу не обманешь. Ты сейчас наговоришь такого... наломаешь таких дров, что потом годами будешь собирать щепки. А я... – она прижала ладонь к груди, и в ее глазах блеснула неподдельная, страшная боль, – ...я, в отличие от тебя, все еще люблю. Да, да, даже после этого. Даже сейчас. И у меня за тебя... душа болит. Так что сделай мне одолжение – пощади ее. Не произноси ни слова. Просто помолчи. Подумай. Что такое семья. Что такое мы, прошедшие через все. И стоит ли это все – доверие, историю, эти жизни ломать ради кратковременной страсти? У тебя уйма времени. Ты... ты болен, Антон. И в прямом, и в переносном смысле. И... я умолкаю.

Последние слова она произнесла уже шепотом, обрывающимся. И, словно у нее выдернули стержень, она тяжело опустилась на жесткий пластиковый стул у кровати. Ее элегантный силуэт съежился, сломался.

В палате воцарилась тишина. Не просто отсутствие звуков, а густая, плотная субстанция, в которой тонули остатки их слов. Ее нарушало только мерное, бездушное пи-и-и... пи-и-и... кардиомонитора, отсчитывающее секунды этой новой, уродливой реальности.

– Я поговорила с медсестрой, – наконец произнесла она уже обычным, бытовым тоном, развязывая сумку. – Она те-

бе подогреет еду, когда захочешь есть. Сказала, чтобы ты не стеснялся, нажимал на кнопку. А вот, кстати, и она.

Глава 5

Через час после ухода Жени, как по расписанию важнейшего совещания, явились родители. Первым, заполнив собой двусмысленное больничное пространство, переступил порог отец, Сергей Петрович. Его синий летний костюм сидел с безупречной, почти вызывающей строгостью, а осанка и медленный, веский взгляд вокруг недвусмысленно намекали на высший генеральский чин. Он и впрямь был высечен из цельного гранита самоуверенности, вот только вместо лаврового венка победителя его регалиями были элитные часы на запястье и тонкая папка из мягчайшей кожи. Генерал от юриспруденции. Он был владельцем и управляющим директором сети адвокатских компаний. Его клиентура – телезвёзды, медиамагнаты, артисты – платила ему безумные деньги не столько за защиту в суде, сколько за умение не допускать сам факт публичного разбирательства. Он был непревзойдённым мастером тихих, изящных сделок, виртуозом, который сводил огонь скандала к изящной струйке дыма от сигары в закрытом клубе. Хотя, если схватка в зале суда становилась неизбежной, он превращался в грозного бойца: его речи были выверенным спектаклем, где безупречная логика соседствовала с актёрским пафосом, а железная доказательная база – с обезоруживающей самоиронией. Неда-

ром в юности он серьёзно метил в Щукинское училище; казалось, сцена суда стала для него достойной альтернативой.

Рядом с этим монолитом, словно изящная тень, возникла мать, Диана Сергеевна. Её стройная фигурка в лёгком платье казалась особенно хрупкой на фоне отцовской массивности, а на молодом, не по годам, лице читалась буря сдержанных эмоций. Директор школы, преподаватель словесности— она несла в эту стерильную палату весь пафос и трагедию мирового словесного канона.

Она присела на стул у кровати, и её движение было похоже на начало важного диалога в пьесе.

– Как ты, Тоша? – голос дрогнул, а взгляд тревожно выискивал в его глазах правду. – Мы вчера приходили, но тебя... усыпили. Чтобы не мучился.

Антон слабо улыбнулся:

– Всё нормально, мам. Уже легче.

– Точно? – отчеканила она, не веря.

– Да-да, всё в порядке.

– Хорошо, – вздохнула она, собираясь с силами. – Я хотела отложить этот разговор. Но если ты в форме... то лучше

сейчас.

– Мам, может, не надо? – попытался отшутиться Антон. – Вряд ли ты найдёшь аргументы, которых моя совесть уже сама себе не предъявила.

Его взгляд переметнулся к отцу, замершему за материнской спиной, как монумент. Тот, поймав этот взгляд, совершил сложный маневр: выдвинул вперёд ладонь, будто говоря «стоп», и при этом едва заметно, но очень выразительно покачал головой. Посыл был ясен: «Остановить её невозможно. Просто слушай». На лице Антона появилось покорное смирение грешника на исповеди.

– Вчера ко мне приходила Женечка, моя лапочка! – начала мать, и голос её зазвенел обидой и праведным гневом. – И скажу прямо, она шокирована! Да-да, именно шокирована твоим... предательством! – Она выдержала паузу, давая слову нависнуть в воздухе. – Объясни мне, чего тебе не хватает? Умница, красавица, блестящий хирург! Она ведь отца твоего с того света вытащила, когда он был тенью от человека! А теперь взгляни на него – огурчик, со скандинавскими палками расхаживает! Уважаемая женщина!

– Я это всё ценю, мам, – Антон сжал кулаки, чувствуя, как по его лицу разливается жгучий стыд. – Но сердцу не прикажешь...

Это была неправильная фраза, спичка, брошенная в бен-

зин.

– У тебя нет сердца! – вскричала мать, и ее глаза, еще секунду назад полные слез, теперь метали молнии негодования. – И не только сердца! Но и вкуса, и ума, чтобы разбираться в людях! Предпочел ангела во плоти... просто какой-то смазливой, пустой красотке!

Голос ее дрогнул, и взгляд утонул где-то в солнечном пятне на окне, вызывая из небытия дорогие тени.

– Как вспомню ее глаза... чистые, доверчивые, как у ребенка. И ее смех... звонкий, как серебряный колокольчик. «Ах, мама! – говорила она, обнимая меня. – Я так благодарна, что вы подарили мне Антона, я так счастлива!»

Слезы, непослушные и жгучие, выкатились из ее глаз и медленно поползли по щекам, оставляя влажные следы.

Она всегда воспринимала жизнь как высокую драму, где каждый поступок имел вес и последствия. Отец же – как сложную, но увлекательную игру, полную абсурдных правил и остроумных лазеек. И пока в палате витал дух классической трагедии от Дианы Сергеевны, дух здорового цинизма от Сергея Петровича лишь молчаливо парил рядом, готовый в любой момент начать свою, многоходовую партию.

Мать, словно почувствовав этот немой всплеск энергии за спиной, обернулась и бросила на мужа укоризненный взгляд:

– Сергей, ты бы вмешался, как глава семьи! Или как адвокат! Защитил бы невестку, которой, между прочим, обязан

жизнью. Ты же видишь – семья сына рушится! Внуки мои могут остаться... – голос её сорвался в трагическую трель.

Отец, в сущности, уже все знал, у сына не было от него секретов. Он принял тот факт, что Антон решил уйти от Жени к неизвестной девушке. Да, он обожал Женю, видел в ней эталон: ее осанка, ее ум, ее старомодная, идущая от родителей воспитанность – все в ней было правильно, надежно, как швейцарские часы. Но он был мужчиной и понимал сокрушительную механику мужского сердца. Он знал, что мужчина, по воле природы или рока, – существо полигамное. Он живет с одной женщиной, пока та держит в руках ключ от его страсти и комфорта. Иногда он тянет лямку долга и после того, как огонь погас, превратившись в золу привычки. Но это длится лишь до той поры, пока другая не коснется какой-то потаенной струны, не заставит кровь ударить в виски бешеным, неровным ритмом, от которого кружится голова и теряется рассудок. И тогда – выбор. Пойти путем тайны, оплетая жизнь паутиной лжи, или, распрямив плечи, разрубить узел одним честным, пусть и жестоким, ударом. Сергей Петрович знал гордый, прямолинейный нрав сына, для которого лицемерие было хуже трусости. Получается Антон не стал юлить. Он все сказал Жене и пытался уйти чтобы не лгать.

И тут врезался в диалог своим спокойным, глубоким баритоном. Его слово было тем грузом, что способен остановить раскачку корабля в шторм.

– Мать, ты не права. Каждый человек имеет право на свой выбор. И Антон – имеет, он мальчик уже взрослый. Ему решать и ему с этим жить. И зря ты так, заочно, неуважительно отзываешься о его девушке. Ты же ее в глаза не видела.

Антон и отец хорошо знали холерический темперамент Дианы Сергеевны. Ее гнев также быстро угасал, как и загорался. Они буквально видели, как эта буря на ее лице шла на убыль: спадал румянец, разжимались кулаки, взгляд из горящего становился просто усталым.

Она выдохнула, и вместе с воздухом из нее, казалось, вышло все напряжение.

– А впрочем... извини, сынок, – произнесла она тихо, смиряясь с неизбежным. – Действительно. Тебе жить. И тебе нести крест своих поступков. Но я тебя умоляю, подумай хорошенько. От добра добра не ищут...

Антон тут же взял ее холодную, хрупкую руку своей теплой и сильной ладонью. Он поймал ее взгляд, в котором теперь плескалась одна лишь материнская усталость и тревога, и поцеловал ее с такой нежностью и покорностью, что в них была и просьба о прощении, и обещание, и уверенность.

Глава 6

На лекциях он давно уже уловил ее взгляд – томный, призывный, настоянный на чистом студенческом любопытстве и чём-то ещё, более тёплом. Но стоило только ему повернуть голову и встретиться с ней глазами, как этот взгляд мгновенно

но становился нейтральным, академически отстранённым и устремлялся куда-нибудь в сторону потолочной розетки или на голубя за окном, изучающего с карниза основы архитектурного стиля. Третьекурсница. Мария Иванова. Из какого-то поселка в Подмосковье, что пахнет соснами, озером, мокрым лугом и бесконечностью проселочных дорог. Плоть от плоти, кровь от крови матушки-России, явленная перед ним во всей своей смущающей и трогательной красе.

Он отдавал себе отчёт в своей внешности – той, что заставляла женщин на совещании терять нить мысли, а в кафе случайных собеседниц чуть дольше обычного задерживать взгляд. Он не гордился этим, не выставлял напоказ, принимал как данность – спокойно и почти с научной отстранённостью. Он был не виноват. Такова была генетическая лотерея.

Его отец был мужчиной импозантным и статным, словно соседшим со старинного портрета: угольно-чёрные, с синеватым отливом «воронова крыла» волосы и рост, под два метра, перед которым невольно выпрямлялись спины. Мать в молодости была той самой классической красавицей: лицо с тонкими чертами, лёгкий румянец и главное – огромные, говорящие глаза цвета тёмного грозового неба. От отца он унаследовал тот самый гигантский рост и иссиня-чёрные волосы, а от матери – её пронзительные тёмно-голубые глаза, которые смотрели на мир с холодноватым, изучающим спокойствием.

Его тело было отточенным инструментом, за которым он

ухаживал с методичной дисциплиной. Футбол по субботам выплёскивал адреналин, утренние пробежки по парку будили город, а трижды в неделю стальной гул тренажёрного зала и гладь бассейна поддерживали мускулатуру в состоянии идеальной собранности. Культ здорового образа жизни был семейным кредо, и потому его фигура – поджарая, широкая в плечах, с лёгким рельефом мышц – оставалась практически неизменной со времён армейской службы.

Ему было всего тридцать восемь, и мысль о том, что его можно «отправить в архив педагогической славы», вызывала лишь короткую, снисходительную усмешку. Он чувствовал в себе силу, уверенность и вкус к жизни, которые даются только расцветом.

И вот теперь, под чары этого спокойного, могучего обаяния, попала она. Юная, вся в порывах и восторженных взглядах, наивная романтическая девочка. Её мир, такой хрупкий и литературный, столкнулся с его незыблемой, отточенной реальностью. И у бедняжки, конечно же, закружилась голова.

Он позволил себе присмотреться к ней повнимательнее, будто изучая редкий экземпляр флоры. Красавица с чуть курносым носиком и было в ней что-то цепляющее. Волосы – не крашеное городское золото, а самые что ни на есть льняные, простые, свои, пахнущие, он был уверен, полевыми цветами. Глаза – голубые, как июльское небо в безветренный день, когда жарко и лениво. Роста среднего, но всё в её

фигуре было расставлено природой с безупречным чувством гармонии. И особенно – грудь, круглая и налитая, которая под простеньким хлопковым платьем высилась, как два многообещающих, запретных плода. Он подавил улыбку и кашлянул в кулак, возвращаясь к конспекту. Лекцию, в конце концов, ещё вести и вести.

Глава 7

Он был вынужден признать: томные, затягивающие взгляды этой девушки начинали вызывать в нем странную, почти химическую реакцию. С внутренней усмешкой он сравнивал себя с тестом, в которое подбросили щепотку диких дрожжей. Ее глаза были этими дрожжами – тихими, но неумолимыми. И в нем, как на опаре, поднималась решимость: тяжелая, медленная, неотвратимая. Решимость познакомиться поближе.

И вот он уже ехал на своем «Томасе» – так он, склонный, как многие мужчины, к антропоморфизму, называл свой серебристый Mercedes. Отъехав от института с километр, он увидел ее. Маша. Она шла по весеннему тротуару, с цветущими деревьями, в облегающих синих джинсах и белой водолазке, из-под ворота которой выбивалась тонкая золотая цепочка. Он притормозил, коротко и дружелюбно просигналив. Она обернулась, и солнце поймало в ее волосах медные искры. Он опустил правое стекло с тихим шелестом.

– Маша! Садись, подвезу. С попутным ветром быстрее будет.

Она замедлила шаг, улыбнулась застенчиво, но глаза блеснули любопытством. Через мгновение дверь пахнула дорогой кожей и холодком, и она устроилась в кресле пассажира.

– Ты куда? – спросил он, плавно трогаясь с места.

– Домой! Я живу совсем рядом, километрах в четырех от института. Всегда хожу пешком после пар – полчаса бодрым шагом, и я на месте! Правда, удобно? – ее голос звенел, как весенняя капель.

– Очень, – он одобрительно кивнул, мастерски лавируя в потоке машин. – Слушай, а ты никуда не торопишься? Мне бы твоя помощь не помешала.

– Нет, я свободна! – она повернулась к нему, и в ее позе читалась готовая к приключениям живость. – А что случилось? Готова помочь!

– Дело в том, – начал он с деланно-серьезным видом, – что мы с другом договорились сегодня пообедать. А он только что сбежал, предатель. А я, понимаешь, не могу есть в одиночестве. Воспитан в большой семье, за стол садилась целая орда. Одному мне кусок в горло не полезет. Практически рискую погибнуть от голодной тоски. Спасешь?

Она рассмеялась – звонко, безудержно, будто рассыпала пригоршню серебряных монет по мраморному полу.

– Ой, Антон Сергеевич, какой же вы хитрый! Таких... оригинальных «подкатов» я еще не слышала.

– Подкатов? – он притворно-невинно поднял бровь. – Я разве подкатываю? Я жизнь спасаю.

– Очень на это похоже, – парировала она, игриво сузив глаза.

– Ну, и каков вердикт? Оставишь меня умирать?

– Умирать не оставлю, – сдалась она, и уголки губ заплясали от улыбки. – С удовольствием составлю вам компанию.

Через пять минут он припарковал «Томаса» у сверкающего гранитом подъезда пафосного ресторана. Войдя внутрь, они попали в мир позолоты, хрустальных люстр и фресок на потолке. Зал, напоминавший миниатюрный Версаль, оглушил Машу своей показной роскошью. Она слегка притихла, неуверенно скользя взглядом по высоким стульям и белоснежным скатертям. Антон это заметил – заметил, как сжались ее пальцы, и у него тепло защемило в сердце.

Их проводили к столику у высокого витражной окна. Официант в белых перчатках принес меню – тяжелый фолиант в сафьяновом переплете.

– Что будешь? – мягко спросил Антон, наблюдая, как она с почти благоговейным ужасом листает страницы с французскими названиями.

Она смущенно закусила губу, а потом рассмеялась, закрыв меню:

– Я... пожалуй, то же, что и вы. А то тут я только цены вижу.

Он кивнул, не настаивая, и сделал заказ: стейки с трюфельным соусом, легкие закуски, а для нее – бокал прохлад-

ного совиный блан, солнечного и пахнущего летним лугом.

Они разговаривали. Он мастерски смешил ее, рассказывая забавные и нелепые случаи из своей преподавательской жизни, изображая взволнованных студентов и чопорных коллег. Она смеялась, раскрасневшись от вина и внимания, ее глаза сияли. А потом, в паузе между анекдотами, он внезапно стал серьезен. Отложил вилку. Его взгляд, прежде лукавый, стал пристальным и глубоким.

– Маша, – сказал он тихо, но так, что каждое слово прозвучало четко. – Своими взглядами на лекциях ты мне, знаешь ли, всю переносицу прожгла. Насквозь. Вот, посмотри, – он легонько провел пальцем между бровей. – Неужели не видишь шрама?

Она замерла. Румянец медленно залил ее щеки, шею, самые мочки ушей. Она опустила глаза, долго рассматривала узор на фарфоровой тарелке, а потом подняла на него взгляд – чистый, прямой, беззащитный.

– Вы мне нравитесь, Антон Сергеевич. Очень!

– Но я же старый! – с тихим, театральным трагизмом в голосе сказал он, разводя руками.

– Нет, – она покачала головой, и каскад льняных волн прокатился по плечам. – Вы не старый. Вы – взрослый. Мой краш.

Впервые за долгие годы он почувствовал, как в груди бьётся живое сердце – не просто насос, качающий кровь, а именно сердце, способное трепетать, замирать и учащённо биться

от одного её взгляда. Он вдруг осознал, что всё ещё – молод. Темпераментный, страстный, жаждущий не только успеха, но и настоящего, живого чувства. Он вспомнил, как давно не видел вот этого самого блеска в женских глазах – не вежливого интереса, не расчётливого внимания, а смеси любопытства, вызова и обещания. Ему нестерпимо захотелось вернуть утончённую, почти ушедшую эпоху – когда влюблённость была приключением; когда первое прикосновение дрожащих пальцев значило больше, чем тысячи слов; когда женщина была тайной, загадкой, терра инкогнита, которую хочется исследовать не картой, а душой. Он мечтал снова стать первооткрывателем – не новых земель, а новых ощущений: первого поцелуя, от которого кружится голова, первых ночей, когда мир исчезает, и остаются только двое...

Глава 8

С того самого обеда, когда он взял номер Маши, мир Антона перевернулся. Мысли о предстоящей встрече стучали в висках навязчивым, сладким ритмом, вытесняя всё остальное. В душе, давно привыкшей к размеренному течению будней, вспыхнуло и заструилось странное, забытое чувство – будто в неё ворвался ветер с горных вершин его собственной юности, свежий, опьяняющий и бесцеремонный.

Он пригласил Машу на свидание.

Взрослый, умудрённый опытом мужчина ловил себя на том, что бессмысленно смотрит на циферблат часов, отсчитывая минуты до условленного времени.

Без десяти шесть его машина остановилась у типичной, построенной еще в советское время, девятиэтажки. Апрельский день, вопреки прогнозам, был теплым, ярким и почти безветренным, а яркое солнце превращало всё вокруг в контрастную гравюру. Из салона он вышел с букетом – алые, бархатные розы, ещё хранящие на своих лепестках холодок оранжереи.

И вот появилась она. Его сердце совершило головокружительный кульбит: замерло, а затем забилось часто-часто. Она шла к нему, и апрельское солнце, казалось, играло только для неё. Короткое белое платье из тонкой шерсти обрисовывало лёгкий силуэт. Льняные волосы струились по плечам живым водопадом. Увидев его, она улыбнулась, и в её синих глазах вспыхнули искорки – ясные, радостные. Он замер, пораженный этой картиной: её свежестью, нежным румянцем на фарфоровой коже, изящной линией коленей, мелькавших при ходьбе.

Она подошла близко, и его окутал волнующий, едва уловимый аромат – смесь весеннего ландыша и чего-то тёплого, древесного. Он протянул цветы и, слегка склонившись, коснулся губами её руки, ощутив под ними шелковистую гладкость кожи.

– Ты прекрасна, – вырвалось у него сдержанно, но искренне.

– Спасибо. Розы потрясающие... – её взгляд скользнул по цветам, а затем снова встретился с его взглядом. В нём читалось одобрение и любопытство.

– Я знаю один итальянский уголок, – сказал он, открывая дверь машины. – Не пафосный, а очень душевный. Там готовят пасту, от которой, кажется, можно вознестись на небеса. Поедем покорять гастрономический Олимп?

– Поедем, – кивнула она, и в её согласии звучала целая симфония обещаний.

Они вошли в маленький итальянский ресторан, где в воздухе витал соблазнительный аромат свежееиспеченной focaccia, оливкового масла и базилика. Приглушенный свет старинных ламп на стенах отбрасывал теплые блики на столовое серебро и темное дерево. Антон жестом указал официантке на уединенную кабинку в глубине зала, скрытую тяжелой бархатной портьерой – их личный островок среди мягкого гула голосов и перезвона бокалов.

– Принесите, пожалуйста, вашу фирменную пасту «Тальолини алла Тартуфо», несколько закусок на выбор шефа. И два кофе (он посмотрел на нее. «Капучино».): один латте, один капучино. Да, и шампанское, – его голос звучал спокойно, но в нем чувствовалась стальная нить желания остаться наедине. – И, будьте так добры, нас не беспокоить.

Официантка, уловив напряжение в воздухе, едва заметно кивнула и растворилась за портьерой.

В полумраке кабинки Маша улыбнулась – медленно, словно раскрывая секрет. Губы ее, окрашенные в алый цвет, притягивали взгляд, как магнит.

– У тебя... безумно красивая улыбка, – сказал Антон, стараясь держать голос ровным, но в нём уже дрожали нотки страсти, которые он не мог скрыть. – И вообще, на тебя опасно смотреть незащищённым взглядом. Ты буквально выжигаешь сетчатку. В следующий раз приду в маске – как у сварщика. Или, может, в доспехах? Чтобы выжить после встречи с тобой.

Маша рассмеялась – звонко, как колокольчик на ветру, и в её глазах вспыхнули искры, будто кто-то бросил в них звёздную пыль.

– И смех у тебя такой... – прошептал он, не в силах отвести глаз.

– Какой? – игриво приподняла она бровь, слегка наклоняясь к нему.

– Как у сирены, – ответил он, и в его голосе прозвучала смесь шутки и глубокой искренности. – Те, кто его слышит, теряют рассудок. Забывают о скалах, о бурях, о том, что ждёт их впереди... Просто плывут. К тебе. Даже если знают – это гибель. Но тебе этого мало, правда?

– Вы демонизируете меня, Антон Сергеевич! – засмеялась она, но в её взгляде мелькнула нежность. – Я просто обычная девушка. Скромная. Одинокая. И мечтаю... всего лишь о любви.

Она замолчала на мгновение, и в этом молчании прозвучало больше, чем в сотне слов.

– В моих фантазиях уже есть он... – тихо добавила она. – Принц. На белом коне.

– И как же он выглядит? – спросил Антон, едва сдерживая улыбку.

– Сильный. Благородный. Учит уму разуму молодежь... – Она вдруг серьёзно посмотрела на него, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на надежду.

Он тихо улыбнулся, протянул руку и бережно взял её ладонь в свою. Её кожа была тёплой, как закат над морем, и от этого прикосновения по его спине пробежал лёгкий трепет.

– И, конечно... – прошептал он, глядя прямо в её синие глаза, – он без ума от этих глаз. От их глубины, от их света. Он бы отдал за них... всё.

– Вы думаете? – прошептала она, будто боясь разрушить хрупкий момент.

– Я знаю, – сказал он уверенно, и в этом «я знаю» звучала вся его решимость, вся его страсть и вся его надежда.

Он медленно отпустил её руку – слишком опасно было держать её дольше. Он боялся, что в следующее мгновение не сможет сдержаться: схватит её за плечи, притянет к себе и поцелует эти розовые губы – здесь, сейчас, под недоуменными взглядами официантов и в свете мерцающих ламп.

– Я так мало тебя знаю, расскажи о себе, – сказал он хрипло, с трудом восстанавливая дыхание, будто только что вы-

нырнул из глубокой воды.

– Расскажу, Антон Сергеевич... – Маша наклонилась чуть ближе, и в её голосе зазвучала тайна. – Во всех подробностях. Но не здесь. И не сейчас.

– А где? Когда? – спросил он, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

– Узнаете в свое время! – улыбнулась она, и в её глазах снова вспыхнули искры.

В этот момент подошла официантка с подносом: дымящаяся паста с трюфельным маслом, хрустящие брускетты с помидорами и рукколой, ароматное оливковое масло в маленькой керамической пиале... И шампанское.

– Маша, – сказал он с улыбкой. – Ты мне все время «выкаешь» и я чувствую себя каким-то патриархом, аксакалом. Давай, выпьем на брудершафт.

– Давайте!

Они поднялись. Их губы встретились в мимолетном, обжигающем соприкосновении. Но этого мига хватило, чтобы по телу Антона прокатилась волна огня. Сладость ее пьянящих губ, жар ее дыхания – все это сводило с ума. Он едва сдержал дикий порыв – вцепиться в ее плечи и погрузиться в ее губы с такой яростью, чтобы выпить всю ее душу, опьянеть ею до головокружения, до потери сознания.

Они ели, смеялись, перебивали друг друга, говорили обо всем и ни о чём. И в каждом взгляде, в каждой фразе, в каждом прикосновении пальцев друг к другу – всё говорило об

одном: между ними уже пульсировала невидимая, но мощная нить судьбы. пылал просто бешеный, взаимный интерес.

Антон смотрел на неё и понимал: он уже принадлежал ей, полностью, навсегда.

А Маша, чувствуя его взгляд, снова улыбнулась загадочной улыбкой, за которой скрывалась целая вселенная.

После ужина, затянувшегося в душную, напоенную ароматом ночного города полночь, он подвез ее к дому. Она сидела на пассажирском сиденье, откинув голову на подголовник, и глаза ее загадочно мерцали в призрачном свете проезжающих мимо автомобилей – то вспыхивая золотистыми искрами, то утопая в бархатной тени. Тишина в салоне была густой, звенящей, нарушаемой лишь неровным дыханием и гулом мегаполиса.

Он медленно, будто преодолевая незримое сопротивление воздуха, взял ее руку в свою. Ее пальцы были прохладными и хрупкими.

– Машенька! – вырвалось у него, и голос прозвучал сдавленно, хрипло от нахлынувшего чувства. Он смотрел ей в глаза, в темные, бездонные зрачки, где горел немой, открытый призыв. – Знаешь, ты сводишь меня с ума! Я уже несколько дней живу только тобой, как безумный. Каждая мысль – о тебе. Это болезнь. Я болен, смертельно, неизлечимо болен.

– Чем? – спросила она едва слышно, и уголки ее губ

дрогнули в смущенной, многообещающей улыбке. Ее пальцы сжали его ладонь, отвечая на давление.

– У меня маниакальная одержимость тобой. Твоим смехом. Твоим взглядом. И от нее есть только одно лекарство, одно-единственное!

– И какое же? – прошептала она, и ее губы приоткрылись в ожидании.

– Твои поцелуи.

Он не стал больше ждать. Руки его скользнули к ее плечам, ощутив под тонкой тканью платья горячую, податливую гладкость кожи. Он нашел ее губы – влажные, мягкие – и приник к ним так, словно от этого глотка зависела его жизнь. Ему показалось, будто он испил сладчайшего, опьяняющего ликера; мир растворился в головокружительном вихре. Ее губы стали обжигающе горячими, отзывались робко, потом все смелее, с застенчивой, но жадной страстью. Она вцепилась в складки его рубашки, притягивая его ближе, и ее тело выгнулось навстречу в немом, красноречивом согласии.

– Ты такая сладкая... – шептал он, с трудом отрываясь на мгновение, чтобы вдохнуть воздух, пахнувший теперь только ею – теплом, духами и чем-то неуловимо-женственным. – Ты просто убиваешь меня своей красотой!

– Я так ждала... Так хотела этого... – выдохнула она в ответ, и ее слова слились с его дыханием, горячим и прерывистым.

– Машенька, сладкая девочка... – прошептал он, пере-

мещая поцелуи по ее щеке к чувствительной раковине уха. Его губы коснулись раскаленной, порозовевшей мочки, и он ощутил, как мелкая, стремительная дрожь пробежала по всему ее телу. – Ты сводишь меня с ума! Ты не боишься? Я ведь, по-настоящему, безумен! Меня, честно говоря, надо бы упаковать в смирительную рубашку и колоть тяжелыми психотропными препаратами!

Его безумные, отчаянные слова сорвали с ее губ смех – звонкий, беззаботный, опьяняющий, как шампанское. Она запрокинула голову, обнажив длинную, изящную линию шеи – жертвенный, прекрасный изгиб. Он не устоял, провел по ней горячим, влажным поцелуем от ключицы к самому подбородку, чувствуя под губами бешеный стук ее пульса.

– Так я же тоже сошла с ума, – выдохнула она, и ее дыхание, теплое и влажное, обожгло его кожу. – Я такая же безумная, как и ты. А может, даже больше. Так что я тебя не боюсь. Ворон ворону глаз не выклюет.

Он взял ее руку, переплел пальцы с ее тонкими, почти невесомыми пальчиками и, целуя каждый сустав, каждый ноготь, смотрел ей в глаза – умоляюще, с немой надеждой.

– Маша... У меня есть, недалеко, в Подмосковье, загородный дом. Я хочу пригласить тебя в воскресенье. Съездить туда вместе. Там чудная природа, озеро в камышах, тишина... Мы могли бы покататься на лодке, заблудиться в лесу, заварить чай из лесных трав... – Он говорил быстро, сбив-

чиво, боясь, что момент ускользнет.

Она медленно покачала головой, и в ее глазах заплясали озорные огоньки.

– К сожалению, не могу, – сказала она, и улыбка ее стала таинственной и лукавой. – У меня в это воскресенье День рождения. И ты, естественно, приглашен.

– Спасибо! – вырвалось у него, и сердце забилося с новой, ликующей силой. – А где?

– Да у меня же дома. Вон, видишь? – Она легким движением головы указала на темный фасад. – Окна на четвертом этаже, вот эти, с закрытыми жалюзи. Квартира 26. Я сама готовлю, мама меня научила. Не итальянский ресторан, конечно, но... тебе понравится. Приходи к семи.

– Небо... – прошептал он, прижимая ее ладонь к своей груди, чтобы она почувствовала бешеный ритм его сердца. – Еще два дня до воскресенья. Это целая вечность. Надо будет попытаться дожить!

Она рассмеялась снова, и в этом смехе был и вызов, и обещание. Выскользнув из машины, она на прощанье провела пальцами по его тыльной стороне ладони – легкое, обжигающее прикосновение, которое осталось гореть на его коже долгим, томительным следом. Он смотрел, как ее силуэт растворяется в подъездной темноте, и понимал, что эти двое суток обещают стать самыми сладкими и мучительными в его жизни.

На следующий день он стоял на кафедре, и его голос, громкий, поставленный, властный, наполнял собой огромную аудиторию, разбиваясь о высокий потолок-купол и возвращаясь могучим эхом. Полукруглые трибуны, уходящие вверх шестью крутыми рядами, были забиты до отказа – мелькали лица, шелестели страницы, поскрипывали стулья. И среди этого пестрого моря, среди этих скучающих, сосредоточенных или равнодушных лиц, словно путеводная звезда в ночи, сияло одно-единственное. Лицо Маши. Она сидела в самом сердце третьего ряда, прямо напротив него, и оно горело, как одинокий, яростный пожар в ночной степи – ослепительно и невозможно скрыть. У Антона на миг остановилось сердце, захваченное одновременно гордостью и трепетом от того, какой огонь он сумел зажечь в ней. Ее васильковые глаза, широко распахнутые, были неотрывно прикованы к нему, и в их синей глубине плавала томная, счастливая улыбка. Было видно, как она изо всех сил пытается взять себя в руки: прикусывала губу, пыталась отвести взгляд, но пламя внутри было сильнее. Рядом, как изящная статуя, сидела ее подруга Даша – высокая, с безупречными чертами лица и холодными изумрудными глазами. Антон заметил, как она слегка толкнула Машу локтем в бок, беззвучно приговаривая: «Уймись, кругом народ!» Маша смущенно опустила ресницы, но уголки ее губ все равно предательски вздрагивали.

Внезапно на столе перед ним, рядом с конспектом, тихо

вспыхнул экран телефона. Сообщение: «Ты такой невероятный! Действие твоего поцелуя заканчивается, у меня начинается ломка. Спаси меня!» Уголок его рта дрогнул в едва уловимой улыбке. Большим пальцем он быстро отправил в ответ пылающее сердечко и поднял взгляд. Она уже смотрела на телефон, и на ее лицо тут же выплеснулась безудержная, детски-восторженная улыбка, будто она получила не виртуальный символ, а самый дорогой в мире подарок.

Едва захлопнулась дверь аудитории, он, не сдерживаясь, набрал ее номер.

– Да! – прозвучало в трубке ее звонкое, радостное контральто, от которого по спине пробежали мурашки.

– Машуня! Как ты, девочка?

– Прекрасно. Ты же рядом. А ты?

– Мне плохо, девочка, – сдавленно и чуть шамкая, будто задыхаясь, сказал он. – Дедушка уже старенький, ему воздуха не хватает. А ты – моя единственная кислородная подушка. Без тебя я просто задыхаюсь.

В трубке рассыпался звонкий, как хрустальный перезвон, смех.

– Маша, давай проведем вечер вместе? Как ты относишься к театру? – Он назвал имя театра, самого престижного в городе. – Сходим на вечерний спектакль.

– Мы с Дашкой месяц пытались попасть туда! Это невозможно, билетов нет ни за какие деньги!

– У меня там лежа, – буднично бросил он.

– Боже правый! Ты что, подпольный миллионер?

– Увы, не я. Батя. И не подпольный, а вполне себе легальный, – он усмехнулся. – Заеду за тобой в шесть. Жди.

Ровно в шесть его мощный автомобиль, мягко урча, замер у ее подъезда. Не прошло и двух минут, как парадная дверь распахнулась, и вышла Она. В коротком черном вечернем платье, облегающем, как вторая кожа, и в черных же лодочках на головокружительных каблуках. Ее ноги, удивительно стройные и изящные, казались выточенными из фарфора. Вся она была воплощением юности и свежести – только что распустившийся бутон, еще хранящий утреннюю росу. Ее глаза сияли ярче уличных фонарей. Он, затаив дыхание, выскочил из машины, чтобы открыть перед ней дверь. Легкий шлейф духов, нежный и пьянящий, ударил ему в голову.

Едва она опустилась в кожаное кресло, а он запрыгнул за руль, пространство между ними исчезло. Он резко, почти с

отчаянием, обхватил ее за плечи и притянул к себе, жадно прижимая к ее губам. Поцелуй был горячим, сладким от ее помады, полным тоски и нетерпения.

– Мы так давно не виделись, – шептал он, перемежая слова короткими, страстными поцелуями в уголки губ, в основание шеи. – Целых шесть часов... Я чуть не погиб от асфиксии...

– Ты жить без меня не можешь?! Да? – задыхаясь, шептала она в ответ, ее пальцы впивались в его волосы, а тело прижималось к нему, отвечая той же дикой, неконтролируемой страстью.

– Не могу, моя королева, – прошептал он в гущу ее волос, ощущая, как бешено стучит ее сердце в такт его собственному. – Это уже диагноз. И ты – мое единственное лечение.

Наконец наступило воскресенье – долгожданный день её рождения. Воздух за окном был холодным, но в груди у Антона пылал смутный, волнующий огонь. Он зашёл в ювелирный магазин, где под мягким светом витрин мерцали драгоценности. Его выбор пал на жемчужный набор – кольцо из отборных переливчатых жемчужин, холодных и гладких на ощупь, и серьги, такие же безупречные. Упаковка была тёплой бархатной шкатулкой, тяжёлой в руке, словно хранящей

в себе обещание.

Без десяти семь он вышел из машины у её дома. В одной руке – небольшая, но весомая бархатная сумочка с подарком, в другой – букет алых роз, огненных, почти кровавых, феерически упакованных в грубоватую крафтовую бумагу. Каждый бутон был плотным, бархатным, обещая раскрыться. Он знал, что, скорее всего, она пригласила своих ровесников и, конечно, Дашу. Но это было неважно. Важен был только свет в её глазах – тот, что он хотел увидеть.

Лифт мягко умчал его на четвёртый этаж. Он позвонил. Сердце замерло в груди, затаившись. Дверь открылась через несколько секунд, и мир сузился до одного порога.

Она стояла на фоне приглушённого света квартиры в чёрном платье – простом и смертельно опасном. Ткань, мягко струясь, облегла каждый изгиб, открывая плечи, бледные, как слоновая кость. Смелый вырез платья открывал верхнюю часть груди – молодой, высокой, дышащей ровным жаром. Кожа там казалась ослепительно белой, почти сияющей, а тень между округлостями манила взгляд в таинственную глубину. Её глаза блестели, как мокрый агат. Лённые волосы были убраны в высокую, сложную причёску, открывая трогательные маленькие уши и шею – длинную, изящную, лебединую. Вся она была воплощением юной, зреющей свежести – пьянящей и запретной.

Воздух застрял у Антона в горле. Он невольно кашлянул, чтобы вдохнуть, и протянул ей розы и подарок. Их пальцы

ненадолго встретились.

– Боже, какие они чудесные! – её голос прозвучал тихо и тепло. – Пахнут летом... Я поставлю их в воду. Проходи, Антон.

Он снял туфли, надел приготовленные тапочки и прошёл за ней по узкому коридору. Обстановка была скромной, бюджетной, как и полагается съёмной квартире, но чистой и уютной. В середине комнаты стоял накрытый стол – с закусками, фруктами, двумя наборами бокалов. И больше никого.

Она вернулась с вазой, где уже расправляли лепестки его алые розы, и поставила её в центр стола. Аромат цветов смешался с её лёгкими духами – что-то свежее, с ноткой ванили.

– А где гости? – спросил он, уже догадываясь.

Она обернулась. На её губах играла улыбка – одновременно застенчивая и дерзкая, двусмысленная и откровенная.

– Антон! – сказала она, делая шаг навстречу. – Чей сегодня день рождения?

– Твой, моя королева, – голос его звучал глубже обычного.

– Это значит, я приглашаю гостей. Тех, кого хочу видеть. А я хочу... – она сделала ещё шаг, сокращая расстояние до ничтожного, – видеть только тебя. Ты – мой лучший подарок.

Он закрыл остаток пространства между ними. Взял её руку – пальцы были тонкими, тёплыми, пульс отдавался лёгкой дрожью у запястья. Поднёс её к своим губам. Кожа пахла мылом и чем-то сладким.

– Ты самая красивая и самая опасная девочка на свете, –

прошептал он в её ладонь, чувствуя, как она едва заметно вздрагивает. Её взгляд утонул в его взгляде, а в воздухе повисло невысказанное напряжение, густое и сладкое, как мёд.

Глава 9

Раннее утро дышало прохладной свежестью, но внутри него всё ещё пылал огонь. Он ехал за рулём, от неё – от той, что вырвала его из привычного бытия, как буря вырывает дерево с корнем. Его голова кружилась не просто от счастья – от эйфории, от опьянения, от неистового чувства обновления. За лобовым стеклом, будто в медленной перемотке скандального фильма, мелькали кадры прошлой ночи: ослепительные, жгучие, почти галлюцинаторные.

Он видел её – обнажённую, дрожащую, пьяную от желания. Её пальцы впивались в бархатистую обивку старого дивана, словно пытаясь удержаться на краю реальности. Каждое движение её тела было мольбой и вызовом одновременно. А её стон... – был заглушён его ртом, в котором она растворялась целиком, как сахар в горячем чае. Он провёл языком по своим губам, будто пытаясь удержать призрачный вкус её поцелуев. И да – это был ликёр. Не просто сладкий, а божественно-опьяняющий – как-будто сам Эрос вложил ей в уста каплю нектара забытых богов.

Её тело... Юное, гибкое, трепетное, как у лани, но горячее, как раскалённый песок пустыни. Оно пахло медом, только что сорванными цветами жасмина и тёмным, пряным миндалём – аромат, от которого кружило голову. Кожа её

была гладкой, как шёлк, и горячей, как галька на побережье Чёрного моря под полуденным солнцем. Он помнил, как его ладони скользили по её бёдрам, как пальцы зарывались в её волосы, как он чувствовал каждую дрожь её позвоночника, когда она отдавалась ему – не просто телом, а всей своей душой, истекающей слезами, стонами, шёпотом его имени.

Безумная ночь. Сумасшедшая. Бессонная. Ночь, в которой время остановилось, законы физики перестали существовать, а реальность превратилась в одно нескончаемое наслаждение.

Какая она умница, какая щедрая, сладкая девочка. Она подарила себя ему так простодушно и так возвышенно. Она его безумно любит.

Он заехал на заправку. Машинально – будто чужая рука управляла им. Заправился, поставил автомобиль на запра-вочную парковку. Он знал: в таком состоянии за руль нельзя. Сердце колотилось, пульс бился в висках, а в крови всё ещё бурлила та самая ночь – горячая, сладкая, неотпускающая.

Зашёл в придорожную кафешку. Заказал свой любимый латте – двойной, с корицей. Даже кофе не мог затмить вкус её губ. Его рот сам по себе изгибался в улыбку – широкую, дерзкую, почти наглую. Он пытался сделать лицо серьёзным, но губы упрямо отказывались подчиняться. И – что самое странное – внутри не было ни капли вины. Ни одной тени угрызения. Совесть? Та сладко посапывала где-то в глубине, укутанная в шёлковые простыни насыщения. Она получила

свое – не просто наслаждение, а экстаз, подобный религиозному откровению.

«Ну что ж, – подумал он, отхлёбывая кофе и чувствуя, как тепло разливается по телу, – вернулся в большой секс. Не просто вернулся... Ворвался!»

Из жалкого любителя, в которого превратили его годы рутины, он за одну ночь вспрыгнул на олимпийский пьедестал богов плотских утех. И знал: теперь уже не слезет. Потому что вкусил рай. И не намерен возвращаться в ад обыденности.

Глава 10

У Маши была лучшая подруга, единственная и неповторимая – Даша. Они познакомились при поступлении в институт и сразу почувствовали друг к другу симпатию. На первом курсе они снимали вместе квартиру вскладчину, жили в одной комнате, деля на двоих последнюю пачку «Доширака». Боролись за жизнь в равнодушной Москве. Дашка приехала покорять столицу из небольшого поселка под Пензой. Надеяться было не на кого и Дашка без сомнений, без иллюзий, стиснув зубы шла к своей цели.

Высокая – метр восемьдесят, она обладала модельной внешностью и фигурой. Между занятиями в институте она ходила на кастинги. Модельные агентства были в восторге от ее белокурых волос, горящих зеленых глаз, высоких скул и выражением лица, как у грозной амазонки. Дашка стала неплохо зарабатывать.

А год назад она нашла своего Петра, молодого бизнесмена. Она познакомилась с ним Машу и та была шокирована и напугана брутальной, бандитской внешностью Дашкиного ухажера. Петр был суров, могуч и немногословен. Его глаза смотрели на людей со снисходительным презрением.

– Дашка, ты уверена? – спрашивала Маша с сомнением. – Он сломает тебе жизнь. Дело конечно твое, но он похож на человека готового на все, даже на преступление.

– Нет! – горячо ответила Даша. – Преступление он уже совершил! Разбой, представляешь! Отсидел два года, вышел по УДО. Сказал, что больше в тюрьму не вернется. Ему там очень не понравилось. В общем, как говорится, взялся за ум. Занимается бизнесом и успешно. Понимаешь, я выросла среди таких сильных, с характером мужчин, способных на поступок, у которых не заржавеет начистить рыло любому, кто неправильно посмотрит. Такими были мой отец, братья, соседи. Я не воспринимаю скромных, тихих мужчин. Они меня не возбуждают. А Петя, конечно, не Цицерон, но обнимет молча своими ручищами и сердце тает, как снег весной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.